

Гу Тин, получив свою порцию внимания, замер на мгновение, сознание снова поплыло. «Кто это такой? Такой красивый...»

Вспомнив, как этот человек обещал составить ему компанию и твердил о долгой ночи, Гу Тин решил: раз уж подвернулась возможность, грех не воспользоваться!

Он с серьезным видом хлопнул по столу:

— Так чего же ты медлишь? Прислуживай мне как следует!

Хо Янь сдержал усмешку, его взгляд скользнул по покрасневшим уголкам глаз и мягким губам юноши:

— А как господин желает, чтобы я прислуживал?

Гу Тин нахмурился. Вопрос был дельным. Чего же он хочет? Подавать чай — слишком скучно, стелить постель — тоже не то... Он напряженно размышлял, совершенно не замечая, что тот, кого он считал беспросветно пьяным, сидел прямо, с ясным и трезвым взглядом.

С самого начала Хо Янь и не думал пьянеть!

Он налил «вина» в чашку и протянул Гу Тиню, голос его звучал приглушенно и хрипло:

— А если я хорошо прислужусь господину, будет мне награда?

Гу Тин ответил без тени сомнения, с подчеркнутой щедростью:

— Конечно! У меня денег куры не клюют! Говори, что хочешь — всё будет!

В зрачках Хо Яня отразился силуэт собеседника. Он медленно провел рукой по виску, и голос его слегка дрогнул:

— Ты... можешь простить меня?

Гу Тин опешил:

— Простить?

Хо Янь:

— Я совершил ошибку. Ничего больше не прошу, только твоего прощения.

— О каком прощении речь? Мужик должен быть шире душой, нечего тут дуться и мелочиться!
— Гу Тин чокнулся своей чашкой с чашей Хо Яня. — Мое великодушие безбрежно, как море! Я никогда и не сердился, так что и считать не с чего. Всё в вине!

Хо Янь торжественно поднял чашу и осушил ее одним глотком:

— Благодарю.

Запрокинув голову, он обнажил шею, и Гу Тин заметил у него на поясе нефритовую подвеску. Круглая, с резными двумя рыбками — очень красивая. Вспомнив, что у него тоже была такая, Гу Тин начал шарить по себе:

— А где же моя подвеска? Эй, куда она подевалась?

Та подвеска, что раньше висела у него на поясе, давно потерялась. Еще в тот раз, когда он в сердцах швырнул в Хо Яня снежком, она ненароком улетела вместе с ним и затерялась где-то. Вещь была не особо ценной, и он обычно не переживал, но сейчас, в пьяном состоянии, заикнулся: не найду — и всё, покоя не будет.

Не обнаружив подвески нигде, он подошел к Хо Яню:

— Моя подвеска! Ты не видел?

Хо Янь промолчал.

Он-то знал. Подвеска была внутри того снежка, что Гу Тин бросил ему. Но сказать он не мог — если скажет, Гу Тин потребует ее обратно. Как он сможет ее вернуть?

Да и не хотел возвращать.

Однако сказал он или нет — результат был один. Гу Тин хоть и пьян, разум отключен, но наблюдательность осталась острой:

— А, так ты взял! Ты точно взял! Немедленно верни!

Хо Янь не двигался, и Гу Тин набросился на него, принявшись обшаривать карманы.

Хо Янь схватил его непослушные руки и прищурился — во взгляде затеплилась опасная искра:

— А если не найдешь, что тогда?

Гу Тин задумался:

— Взял мою вещь и прячешь? Не найдешь — велю палками отдубасить! Вот такими! — Он даже размахнулся для наглядности, пытаясь запугать собеседника.

Горло Хо Яня сжалось, а в глазах будто вспыхнуло пламя:

— А если найду?

Гу Тин снова склонил голову набок:

— Не найдешь — накажу, найдешь — награжу...

Хо Янь усмехнулся и наклонился ближе:

— И чем же господин меня наградит?

Гу Тин снова погрузился в раздумья, оглядывая комнату. Почему-то, возможно, из-за того, что Хо Янь заслонял обзор, он не увидел «временно припрятанных» сокровищ, а первым делом заметил рысенка.

Это был его котенок, милый и дорогой, отдавать его нельзя.

Потом он увидел вино на столе.

Это был его фруктовый напиток, светлый и сладкий, его тоже нельзя.

Что-нибудь красивое... Его взгляд упал на сервиз: нежно-голубая глазурь, изящный узор — вещь хорошая. Но отдать его в обмен на подвеску... Подвеска-то недорогая, да он с ней много лет, она ему как родная. По сравнению с ней сервиз казался слишком уж простой платой.

Вкуснятину... он и так почти всю съел.

Долго ломая голову, он не мог найти ничего подходящего. Подперев подбородок рукой, он нечаянно коснулся собственных губ. Неизвестно, что стукнуло ему в голову — то ли опьянила красота собеседника, то ли хмельной напиток, — но он потрогал губы и произнес:

— Кажется, я сегодня столько всего сладкого съел и выпил, что теперь и сам стал сладким. Хочешь попробовать?

Взгляд Хо Яня стал тяжелым и глубоким:

— Ты уверен?

Гу Тин ничего не заметил. Даже если бы и заметил, в его пьяном состоянии ему было не до расшифровки скрытых смыслов. Он снова закачался и набросился на Хо Яня, продолжая искать подвеску.

Хо Янь позволил ему буяннить, не двигаясь с места, лишь пристально следя взглядом за его губами.

Никто не знал, как долго он сможет сдерживаться. Он и сам не знал.

Ноги Гу Тина заплетались, он вдруг поскользнулся, тело его качнулось — но не в объятия Хо Яня, а в сторону, и он плюхнулся в горячий источник.

Хо Янь: ...

— Спа-а-сите! То-о-ону!

Источник был неглубоким, можно было просто встать, но Гу Тин же был пьян и ничего не соображал. Ему почудилось, что он тонет, и он забился в панике, размахивая руками и ногами. Казалось, еще мгновение — и он наглотается воды.

Хо Яню пришлось прыгнуть в источник и вытащить его.

Пар клубился, одежда промокла и спуталась, звук воды навевал странные мысли — момент был весьма двусмысленным. Но Гу Тин, измученный долгим днем, просто закрыл глаза:

— Так хочется спать...

Едва вымолвив это, он сомкнул веки, и вскоре раздалось тихое посапывание.

Хо Янь: ...

Он медленно наклонился и снова поднял Гу Тина на руки.

В тот миг, когда их мокрая одежда соприкоснулась, он замер, а взгляд его стал еще темнее. Он какое-то время смотрел на губы Гу Тина, потом медленно отвел глаза. Не говоря ни слова и никого не позвав, он на руках отнес Гу Тина в комнату.

Он знал, что оставлять Гу Тина в мокрой одежде нельзя — тот мог простудиться. Но все же ему хотелось, чтобы эта дорога тянулась дольше. Еще дольше.

Свет свечи мягко колыбался, ветерок шелестел шторами, игра света и тени скользила по лицу человека в его объятиях — нежному, безупречному, прекрасному и неповторимому.

Это был его юноша.

Его сокровище.

...

Здесь время текло неторопливо, а свет свечей горел безмолвно. Но и в других местах не спали, встречая Новый год.

Тоже нашлись те, кто перебрал.

Резиденция князя Гуцзана была украшена к празднику, всё сияло новизной, даже хозяева щеголяли в новых нарядах.

Мэн Чжэнь в новом, праздничном, красном халате отодвинул винные чаши и, покачиваясь, поднялся на ноги:

— Что за радость — вечно пить? Я покажу брату танец с мечом! — Он, пошатываясь, потянулся к короткому мечу на стене. — Я правда умею! Пусть меч и маленький, коротковатый, но я научился!

Он пять раз промахнулся, прежде чем сумел снять меч со стены. А пока он с ним возился, Мэн Цэ как раз заваривал чай — и не успел остановить.

— Брат, смотри, какой мой меч грозный, какой могучий! Сейчас покажу, как им врагов разить! Хэй-я! —

Мэн Чжэнь отдавался танцу со всем пылом, чувствуя себя непобедимым героем, великим мастером, способным сразить врага в десяти шагах и скрыться без следа!

Но со стороны было отлично видно, как шатаются его ноги, как слабы запястья, как кончик меча то и дело цепляет пол, и лишь потом он с трудом поднимает его...

Мэн Цэ: ...

Что оставалось делать старшему брату?

Конечно, от души аплодировать:

— Замечательно! Мэн Чжэнь, ты просто молодец!

Мэн Чжэнь распыхался от гордости, серьезно надув щеки:

— Брат, смотри внимательнее! Сейчас будет самый главный удар!

Танец был недолгим, но Мэн Цэ обливался потом от волнения. Стоило брату качнуться — и он уже переживал, не поранится ли тот босыми ногами о что-нибудь. Меч дрогнет — и он готов броситься выхватывать его, лишь бы брат не порезался. Хотелось прервать это представление,

но он боялся обидеть Мэн Чжэня. Даже аплодировать перестать боялся — вдруг брат расплачется и не будет с ним разговаривать.

Ни шагу вперед, ни шагу назад. Каждое мгновение рядом с братом было наполнено этой мучительной тревогой и беспокойством.

Танец длился недолго, но к концу Мэн Чжэнь уже покраснел от усердия, а Мэн Цэ сжал кулаки так, что костяшки побелели.

Финальный удар вышел эффектным, но неуклюжим. Мэн Чжэнь потерял равновесие и пошатнулся —

Мэн Цэ бросился вперед и подхватил брата:

— Устал? Давай присядем, отдохнем.

Мэн Чжэнь в пьяном виде оказался куда сдержаннее Гу Тина. С серьезным видом, нахмутив бровки, он оттолкнул брата:

— Нельзя меня обнимать. Ты — старший брат, я — младший. — Он посмотрел на лицо Мэн Цэ и добавил с назиданием:

— Мы уже взрослые. Нельзя больше обниматься.

Мэн Цэ: ...

<http://bllate.org/book/16279/1466452>